

На самом деле, идея поехать на церемонию «Золотой статуэтки» принадлежала Линь Яню. В начале марта он специально прилетел в Лос-Анджелес, чтобы увидеть Цао Е. В то время Цао Е играл в баскетбол с одноклассниками на школьной площадке. Он вёл мяч, пытаясь прорваться к кольцу, когда вдруг услышал рядом настоящий пекинский говор:

— Е-цзы, заблокируй его к чертям! — он поднял голову и увидел Линь Яня, стоящего за ограждением и изо всех сил подбадривающего его.

Отвлёкшись, он потерял мяч. Цао Е выругался себе под нос, сошёл с площадки и направился к Линь Яню, вытирая пот с подбородка.

— Что ты здесь делаешь? — спросил он.

— Ого, у тебя появился пресс! — Линь Янь присвистнул.

— Он и раньше был. — Цао Е купил газировку в киоске на краю площадки, расплатился и, повернувшись к Линь Яню, спросил. — Зачем ты приехал?

— Позвать тебя на вручение «Золотой статуэтки». — Линь Янь взял у него газировку. — Твоя маленькая красавица номинирована на лучшего актёра, я должен пойти с тобой и поддержать тебя.

Цао Е сделал несколько глотков, поставил бутылку и усмехнулся:

— Да ладно, ты просто сам хочешь на него посмотреть.

Линь Янь не стал отрицать, обнял того за плечи и помахал перед его лицом двумя пригласительными билетами.

— Так ты едешь или нет?

— Не хочу, — Цао Е отстранил его руку и ускорил шаг. Прошло больше полугода, и теперь при виде Линь Яня его не тошнило, но мысль о том, что Линь Янь, возможно, испытывает какие-то чувства к Лян Сычжэ, всё ещё вызывала у него неприятные ощущения. Если бы после того случая Линь Янь не лез к нему с такой настойчивостью, они бы, наверное, уже перестали общаться. Какое-то время он вообще ни с кем не хотел разговаривать, ему хотелось побыть одному.

— Что ты сказал? — Линь Янь догнал его. — Если ты не пойдёшь, я пойду один. Разве не легко найти кого-нибудь, кто сможет представить меня маленькой красавице?

Цао Е посмотрел на него, слегка нахмурившись.

— Не лезь к нему.

— Это не твоё дело, — Линь Янь повернулся и пошёл к выходу со школьной территории, не забыв напоследок поддразнить его. — Тогда я пошёл. Судя по фотографиям папарацци скрытой камерой, он действительно симпатичный.

— Ты что, больной, Линь Янь?! — Цао Е развернулся и побежал за ним, пытаясь выхватить билеты, но Линь Янь, поняв, что дело плохо, бросился наутёк. Один яростно бежал, другой — яростно догонял. Они остановились, лишь когда отделились от школьных ворот на приличное расстояние. Линь Янь, запыхавшись, остановился и сделал несколько шагов.

— Ладно, ладно, я тебя обманул, а ты и поверил! Твоя красавица встречается с Ху Юйсы, ты разве не знал?

Цао Е хотел отобрать у него приглашения, но, услышав это, перестал преследовать его и тоже замедлил шаг.

— С каких пор? — спросил он, тяжело дыша.

— Они были вместе уже на съёмках. Лян Сычжэ, его так зовут, да? Везёт же парню! Ху Юйсы — настоящая красotka! Ты правда не знал?

— Откуда? — ответил Цао Е. С тех пор, как он побывал на съёмочной площадке прошлым летом, он не общался с Лян Сычжэ. Сначала ему казалось, что тот в сговоре с теми двумя, но потом, успокоившись, он подумал, что Лян Сычжэ мог не знать об отношениях Цао Сююаня и Чжэн Иня. Он сам так близко общался с Чжэн Инем и ничего не подозревал. Возможно, Лян Сычжэ был в такой же ситуации.

Но каждый раз, когда он думал о Лян Сычжэ, его что-то беспокоило. Сам Цао Е не понимал, что именно. Вероятно, он всё ещё переживал из-за того, что Лян Сычжэ слишком сблизился с отцом и дядей Инем, и поэтому не мог не злиться на него. Новость о том, что Лян Сычжэ встречается с кем-то, ошеломила Цао Е. Он почувствовал смятение. Лян Сычжэ был в отношениях? С Ху Юйсы, которая играла Пэн Янь? Почему он ему ничего не сказал?

Может быть, тот звонок, на который он не ответил полгода назад, был как раз об этом? Он знал Ху Юйсы. Раз её выбрали на роль Пэн Янь, она, конечно же, была красивой и обаятельной. Но разве она не была намного старше Лян Сычжэ? Его это снова начало беспокоить. Почему он не думал о Цао Сююане и Чжэн Ине, а думал только о Лян Сычжэ?

— Ну и что ты думаешь? — спросил Линь Янь, подходя ближе.

— А что я должен думать? — Цао Е посмотрел на него. — Мужчина талантлив, а женщина красива. Они прекрасная пара.

— Хм-м, — Линь Янь усмехнулся и покачал головой. — Так что, ты идёшь на церемонию или нет?

— Иду, — сказал Цао Е.

Он вернулся в общежитие, принял душ, переделся и, прогуляв уроки, совершил с Линь Янем тринадцатичасовой перелёт из Лос-Анджелеса в Гонконг.

Когда самолёт с рёвом поднялся в воздух, Линь Янь наклонился к нему и тихо спросил:

— Твои родители правда развелись?

— Ага, — ответил Цао Е.

Видимо, в мире шоу-бизнеса расставания и воссоединения были настолько обычным делом, что Линь Янь даже не спросил о причине. Он просто похлопал Цао Е по плечу и ничего не сказал.

Самолёт набрал высоту. Без облаков солнечный свет стал нестерпимо ярким. Цао Е опустил шторку иллюминатора, откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. На самом деле, он не знал, когда и как развелись Цао Сююань и Ли Ю. Просто через несколько месяцев после того, как он рассказал Ли Ю о том, что увидел, в их доме стал часто появляться один мужчина. Это был коллега его матери, молодой дирижёр оркестра, очень добрый человек, который хорошо относился к Цао Е. Тот догадался, что это, вероятно, новый мужчина его матери.

Сцена, которую он увидел своими глазами полгода назад, не давала ему спать по ночам. Он хотел рассказать всё Ли Ю, но не знал, как начать. Он не мог прямо сказать ей, что застал своего отца в постели с женщиной, которому она всегда доверяла. Это было бы слишком сильным ударом, и он должен был смягчить его, чтобы причинить матери как можно меньше боли. Он должен был взять это на себя. Он проворочался несколько ночей, тщательно подбирая слова, и через несколько дней утром оставил Ли Ю записку: «Мама, я узнал, что папа встречается с кем-то ещё. Я думаю, ты тоже можешь быть с другим мужчиной».

Он не упомянул Чжэн Иня, не упомянул о гомосексуальности, не упомянул о той отвратительной сцене, которую он видел и от которой его тошнило. Видимо, благодаря его спокойствию и рассудительности, Ли Ю на следующий день оставила ему ответную записку со словами: «Спасибо, сяо Е». Так этот вопрос был решён тихо и мирно.

«Увижу ли я Цао Сююаня и Чжэн Иня на церемонии?» — Цао Е закрыл глаза. При мысли о них у него снова возникло неприятное чувство, как будто кость застряла в горле. Прошло столько времени, но он всё ещё не мог забыть ту картину, она вызывала у него отвращение.

Он не хотел идти на церемонию, не хотел видеть Цао Сююаня и Чжэн Иня. Но он договорился с Лян Сычжэ встретиться на этом мероприятии. Этой договорённости он добился в одностороннем порядке, и теперь в одностороннем порядке её нарушал. Это было как-то нечестно. Впрочем, кто знает, помнил ли Лян Сычжэ об их обещании...

Прилетев в Гонконг, Цао Е обнаружил, что все его друзья уже здесь. Линь Янь обнял его за плечи и протянул руку Чи Миньяо и Да Баю.

— Я же говорил, что он приедет! Платите!

— Ты же говорил, что не приедешь! — Да Бай замахнулся, чтобы стукнуть Цао Е по лбу, но тот увернулся.

— Ты тоже так говорил, — недовольно посмотрел на него Чи Миньяо.

— Так вот почему вы все так интересовались, приеду я или нет! Вы спорили на меня! — Цао Е снова стряхнул руку Линь Яня со своего плеча. — Отдавай мне половину выигрыша.

— Стоимость твоего билета до Лос-Анджелеса как раз составляет половину выигрыша, — возразил Линь Янь. — Думаешь, они предложили мне огромную сумму?

Друзья не виделись больше полгода, да и рядом не было взрослых, которые могли бы их контролировать, поэтому они оторвались по полной. Всю ночь они провели в гостиничном номере, выпив несколько бутылок вина и разного алкоголя, а под утро попадали спать кто где. Проснувшись на следующий день, они увидели, что телевизор все еще включен, и трансляция красной дорожки уже почти закончилась. Все вскочили и в спешке начали умываться.

Цао Е чистил зубы в ванной, когда Линь Янь крикнул из гостиной:

— Е-цзы, смотри телевизор! Твоя маленькая красавица идёт по красной дорожке!

Цао Е, не смывая пену со рта, ополоснул лицо водой и с голым торсом вышел в гостиную.

Съёмочная группа «Тринадцати дней» вместе шла по красной дорожке. Когда Цао Е подошёл к телевизору, Цао Сююань как раз взял микрофон. Ведущий попросил его представить Лян Сычжэ, но Цао Сююань сказал всего одну фразу:

— Его не нужно представлять. После сегодняшнего вечера вы все о нём узнаете.

Эти слова звучали как предсказание блестящей будущей карьеры Лян Сычжэ. Может быть, это было преувеличением, но это был Цао Сююань, и никто не осмелился бы ему возразить.

«Волк в овечьей шкуре [1]», — подумал Цао Е.

[1] 衣冠禽兽(yī guān qín shòu) — идиоматическое выражение, которое буквально переводится как «зверь в одежде». Описывает человека, который внешне выглядит rispetабельно и цивилизованно, но на самом деле ведёт себя как животное, то есть безнравственно, жестоко или развратно.

Он увидел Лян Сычжэ, стоящего рядом с Цао Сююанем — с собранными волосами, в костюме, высокий и стройный, он излучал уверенность. Один его вид придавал словам Цао Сююаня особую убедительность.

Линь Янь присвистнул:

— Вау, потрясающе! Он гораздо красивее Чжан Минхяня, — он повернулся к Чи Миньяо. — А ты говорил, что у Е-цзы проблемы со зрением!

— На этот раз он не ошибся, — сказал Чи Миньяо.

Цао Е фыркнул про себя: «Я же говорил, что он красивый, а вы не верили».

— Он красивый, только ты, Линь Янь, всё время называл его маленькой красавицей. Я думал, он какой-то нежный... Он выглядит старше, чем Е-цзы, — Да Бай повернулся к Цао Е. — На сколько лет он тебя старше?

— На два года, — ответил Цао Е.

— Значительная разница, — Да Бай посмотрел на Цао Е. — У тебя, Е-цзы, отличный пресс! — Он повернулся к Линь Яню и засмеялся. — Как там говорится? Юноша стремительно взрослеет.

Они с Линь Янем были на три года старше Цао Е и относились к нему как к младшему брату.

Когда они приехали на церемонию, вход был уже закрыт. Охранники не хотели их пропускать, сколько бы они ни уговаривали. Линь Янь предложил Цао Е позвонить Лян Сычжэ, чтобы тот вышел за ними, но Цао Е наотрез отказался — это же смешно, ещё не объявили лучшего актёра, как он может сейчас вызывать Лян Сычжэ? Тогда Чи Миньяо решил позвонить своему старшему брату, Чи Минкаю.

Пока они разговаривали, телефон Цао Е завибрировал. Он посмотрел на экран — пришло сообщение от Лян Сычжэ: «Ты здесь?» Что ответить? Цао Е, раздумывая, смотрел на эти слова. Он был здесь, но в то же время и нет. Он опоздал и застрял у входа. Какой позор... Он начал набирать сообщение, затем стер его, снова начал печатать и снова стёр. Пока Чи Минкай не вышел им навстречу, Цао Е так и не отправил сообщение.

Чи Минкай вышел вместе с представителем организаторов, отчитал их, но всё же провёл внутрь. Их места были довольно близко к сцене, и они побоялись беспокоить других зрителей, поэтому остались стоять сзади. Когда они нашли свои места, ведущий уже закончил свою речь, и на экране начали показывать номинантов на премию за лучшую мужскую роль.

Лян Сычжэ был четвёртым. На экране мелькали кадры из фильма «Тринадцать дней»: он молча нёс ведро с горячей водой для постояльцев, неумело учился курить у Пэн Янь, осторожно, но радостно взбегал по лестнице... Всё это были сцены, которые они когда-то обсуждали.

Победа Лян Сычжэ стала настоящей сенсацией на этой церемонии вручения «Золотой статуэтки». Когда ведущий произнёс имя «Лян Сычжэ», весь зал обернулся, чтобы посмотреть на этого незнакомого, сияющего юношу. Цао Е стоял сзади и смотрел, как Лян Сычжэ встаёт и обнимает членов съёмочной группы — сначала Цао Сююаня, затем Чжэн Иня, потом Ху Юйсы и Лю Юаня. Затем он протиснулся сквозь толпу, прошёл по коридору и поднялся на сцену.

Свет в зале погас, остался только один луч прожектора, направленный на Лян Сычжэ. Тот взял награду, слегка поклонился и произнёс длинный список благодарностей, начиная с Цао Сююаня и Чжэн Иня, затем помощника режиссёра, оператора, осветителя, гримёра... В конце он поблагодарил всю съёмочную группу. Когда все в зале решили, что он закончил и приготовились аплодировать, Лян Сычжэ продолжил:

— И ещё... — он сделал паузу, и весь зал замер в ожидании. Все терпеливо ждали, пока он закончит свою речь — это был самый важный момент в его жизни, и он заслуживал этого ожидания. Секунда, две. Молодой актёр с длинными, непослушными волосами смотрел в зал. Свет прожектора делал его черты лица тонкими и нежными. Расстояние между сценой и задними рядами было большим, настолько большим, что Цао Е не мог ясно разглядеть лицо Лян Сычжэ, но в тот момент ему показалось, что их взгляды встретились.

Лян Сычжэ заговорил, и его низкий голос разнёсся по всему залу через микрофон:

— ...И ещё спасибо сяо Маню. Ты навсегда останешься самым прекрасным юношей.

Эта неожиданная концовка удивила всех. Никто не ожидал, что Лян Сычжэ в конце

поблагодарит персонажа, которого он сыграл в фильме. На мгновение в зале воцарилась тишина, а затем раздались бурные аплодисменты.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/12811/1130280>